

ЗАГАДОЧНЫЙ РАССКАЗ ПАВСАНИЯ О ВОЙНЕ В ПЕЛОПОННЕСЕ В СЕРЕДИНЕ III в. до н.э. ОБЗОР ДИСКУССИИ И ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье разбираются различные толкования загадочной истории, переданной Павсанием в нескольких местах его сочинения (II. 8. 5; VII. 7. 3; VIII. 10. 5–10; 27. 13–14; 36. 5–6). Героем этого сюжета является спартанский царь Агис, сын Эвдамида (т.е. Агис IV), который ведет неудачную войну против Ахейского союза и аркадян, нападает на Пеллену, пытается штурмовать Мегалополь и, в конце концов, гибнет в сражении при Мантинее. С точки зрения автора, вся эта история восходит к совершенно недостоверной устной традиции, созданной в Мантинее потомками ахейских колонистов, которые заселили город после продажи в рабство всего населения Мантиней в конце 20-х годов III в. до н.э.

Ключевые слова: Павсаний, Агис, Ахейский союз, Мантиней, Мегалополь, перизгега, эксегет, трофей.

В многочисленных исторических экскурсах, содержащихся в «Описании Эллады» Павсания, встречаются такие сведения по истории эллинистической Греции, которые не упоминаются в других дошедших до нас источниках. Каждый раз подобные данные нуждаются в тщательной проверке, поскольку жанр перизгега не требовал от Павсания сугубой точности в изложении исторических фактов, а его манера смешивать сведения, почерпнутые из устной традиции в том или ином месте Эллады, с данными, взятыми из исторических произведений, неоднократно приводила к путанице и ошибкам. Довольно скептическое отношение к тем утверждениям Павсания, которые не подтверждаются данными других авторов или противоречат им, было характерно и для создателей комментариев к «Описанию Эллады», которые считаются классическими¹, и для многих исследователей эллинистической истории и творчества Павсания².

Тем не менее, вплоть до настоящего времени предпринимаются попытки «реабилитировать» Павсания как историка, преувеличивать масштабы его истори-

Сизов Сергей Кузьмич – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и теории государства и права Нижегородского коммерческого университета.

¹ Hitzig, Blümner 1896–1910; Frazer 1913. Несмотря на то что усилиями Дж. Фрэзера и других знатоков Павсания к началу XX в. было опровергнуто предвзятое и гиперкритическое мнение об этом авторе, сложившееся под влиянием высказываний У. фон Вилламовица-Мёллендорфа, суждения в пользу Павсания касались главным образом достоверности его личных наблюдений (подтвержденной многими археологическими находками). Отношение к историческим отступлениям в «Описании Эллады» оставалось по-прежнему настороженным.

² Чистяков 1983; Segre 1927, 202–234; Holleaux 1938, 187–193 (с чрезвычайно резкими суждениями о недостоверности данных Павсания); Regenbogen 1956, 1008–1097 (особ. 1063–1076); Meyer 1967, 38–41; Habicht 1985, 95–101; Lafond 1991, 75–80; Ameling 1996, 125; Hutton 2005, 275–303; Pretzler 2007, 70–80.

ческой эрудиции, подчеркивать его добросовестность в работе с источниками и отстаивать, насколько это возможно, достоверность его исторических экскурсов. Такова, в частности, едва ли не основная идея, которую в монографии «Эллинистическая история и историография у Павсания Перизэгета» защищает Ч. Беарзот³. Некоторые другие современные антиковеды также склоняются к мысли о том, что отдельные исторические экскурсы перизэгета, вызывающие сомнения у исследователей, на самом деле содержат аутентичные сведения о тех или иных малоизвестных событиях⁴.

Примером столь различных подходов к интерпретации исторических данных перизэгета может служить отношение историков к загадочному рассказу Павсания о войне ахейцев и аркадян со спартанским царем Агисом, сыном Эвдамида, т.е. Агисом IV (244/243–241 гг.⁵). Сведения об этой войне, разбросанные по разным частям «Описания Эллады», но в наиболее полном виде приведенные в аркадском логосе (VIII. 10. 5–10; 27. 13–14), представляют нам следующие три эпизода военных действий. Первый из них – нападение Агиса на ахейский город Пеллену, который поначалу был захвачен спартанцами, однако вскоре подоспел «Арат с сикионянами»; в битве с ними Агис потерпел поражение и был вынужден, согласно условиям мирного соглашения, уйти из Пеллены (Paus. II. 8. 5; VII. 7. 3; VIII. 27. 14).

Либо раньше, либо позже этого события Агис попытался взять Мегалополь, аркадский город, к тому времени, по словам Павсания, уже входивший в Ахейский союз. Вылазку мегалополитов он успешно отбил и приступил к правильной осаде города, придвинув к городской стене мощную осадную машину. На сей раз ахейский город был спасен не людьми, а божеством: с севера поднялся сильнейший ураган, который опрокинул и разбил машину Агиса. С тех пор мегалополиты поклонялись ветру Борею, посвятили ему священный участок и ежегодно приносил Борею жертвы в благодарность за спасение от Агиса и лакедемонян (Paus. VIII. 27. 12–14; 36. 5–6).

Третий и главный эпизод ахейско-спартанской войны – сражение при Мантинее, в котором против спартанцев сражалось то ли единое войско Ахейского союза, то ли коалиция ахейцев и аркадян, и в котором Агис нашел свою смерть (Paus. VIII. 8. 11; 10. 5–8; 27. 14). Подробный рассказ об этой битве приведен в контексте описания достопримечательностей Мантиinei, в окрестностях которой перизэгет осматривал храм Посейдона и посвященный этому богу трофей – памятник победы над Агисом. Против лакедемонян, по словам Павсания, выступило значительное войско, левое крыло которого составляло ополчение Мантиinei под командованием Подара, центр занимали сикионяне и ахейцы под руководством Арата, а на правом фланге расположились «остальные аркадяне» (τὰν τὸ ἄλλο Ἀρκαδικόν), в том числе мегалополиты во главе с Лидиадом и Леокидом. Само сражение проходило примерно по тому же сценарию, что и битва при Каннах: центральная часть ахейско-

³ Bearzot 1992. Характерны общие выводы в конце этой работы: Павсанию следует доверять гораздо больше, чем принято в современной историографии; его исторические экскурсы основаны прежде всего на данных первоисточников, т.е. трудов, написанных современниками событий, такими, как Демохар и Арат; ошибки Павсания носят случайный характер и вызваны тем, что Перизэгет все-таки не был профессиональным историком (Bearzot 1992, 283–286).

⁴ В данной статье речь пойдет, в частности, о работах Г. Мараско, также итальянского исследователя: Marasco 1980; 1981; 1983.

⁵ Здесь и далее даты – до нашей эры.

аркадского войска стала медленно отступать, фронт принял форму полумесяца, и, воспользовавшись этим, аркадяне, находившиеся на флангах, вышли спартамцам в тыл и замкнули кольцо окружения. Потери лакедемонян были огромны; погиб и царь Агис. Мантинеяне объясняли свою победу помощью Посейдона и посвятили трофей морскому богу (Paus. VIII. 10. 5–8).

Ни один из прочих источников, в том числе биографии Агиса IV и Арата, написанные Плутархом на основании источников III в. (первая – в основном по данным исторического сочинения Филарха, вторая – по материалам «Воспоминаний» Арата) и довольно подробно прослеживающие жизненный путь обоих героев, не может подтвердить историчность рассказа Павсания о нападениях Агиса на Ахайю и Аркадию. В «Сопоставлении Агиса, Клеомена и Гракхов» (3. 2) Плутарх, напротив, заявляет, что преждевременно погибший Агис не успел прославиться никакими военными деяниями. Еще важнее то, что ряд существенных деталей в повествовании перизгета прямо противоречит фактам, которые содержатся в сочинениях Плутарха и Полибия и считаются бесспорными. Агис IV погиб не в сражении у Мантинеи, а в Спарте, казненный эфорами (Plut. Agis. 19–20). Упоминание о штурме Мегалополя Агисом в контексте рассказа об истории этого города после присоединения его к Ахейскому союзу, каковое датируется 235 годом⁶, является анахронизмом, поскольку к тому времени Агиса IV уже давно не было в живых.

Наиболее же существенное противоречие заключается в следующем. Единственный год, в течение которого Агис IV мог провести подобную масштабную военную кампанию, – это последний год его жизни, т.е. 241 год, поскольку ранее в течение немногих лет своего правления Агис в основном занимался проведением социальных реформ в самой Спарте, которые только незадолго до его гибели помогли ему создать более или менее сильную армию⁷. Между тем, в 241 г. Спарта была не противником, а союзником Ахейской федерации. Плутарх, прямо ссылаясь на первоисточники – труды Филарха, Арата и Батона из Синопы, – рассказывает, что в конце лета, когда урожай был уже убран, Агис со своим войском совершил поход на Истм, чтобы помочь Арату предотвратить вторжение этолийцев в Пелопоннес. Впрочем, ахейский стратег в последний момент отказался от помощи спартанцев, после чего Агис вернулся домой и уже осенью был обвинен и арестован эфорами (Plut. Agis. 13. 6–15. 4; Arat. 31. 1–2). Совершенно невероятно, чтобы Арат летом 241 г. мог обратиться в Спарту за помощью (Plut. Agis. 13. 6), если незадолго до того города Аркадии и Ахайи подверглись описанным у Павсания нападениям лакедемонян, а само спартанское войско было наголову разбито при Мантинее.

Подозрения относительно недостоверности рассказа Павсания о походах Агиса усугубляются также тем, что город Пеллена осенью 241 г. действительно был захвачен врагами, а затем освобожден благодаря внезапному появлению войска во главе с Аратом, однако на самом деле захватчиками являлись не лакедемоняне, а

⁶ Polyb. II. 44. 5; Plut. Arat. 30. 1–8. Дата определяется по контексту повествования у Полибия и Плутарха и по хронологической последовательности стратегов Ахейского союза. Лидиад, тиран Мегалополя, сложил с себя власть и присоединил город к Ахейской федерации. За это ахейцы удостоили Лидиада избранием на высший в союзе пост, который он занял, по единодушному мнению исследователей ахейской хронологии, в мае 234 г. (см. Сизов 2002, 134).

⁷ Кстати, Павсаний (VIII. 27. 13) подчеркивает, что армия Спарты при Агисе была больше по численности и вооружена лучше, чем в предшествующие времена.

этолийцы. После того как ахейский стратег отказался от плана совместно с Агисом преградить им путь на Истме, этолийцы прорвались в Ахайю, заняли Пеллену и начали грабеж города. Подоспевший Арат воспользовался полной неготовностью этолийцев к организованному бою и выгнал их из Пеллены. Эта история, кратко упомянутая Полибием (IV. 8. 4) и Полиэном (VIII. 59) и подробно пересказанная Плутархом (Arat. 31. 3.–32. 5), опиравшимся, как минимум, на два источника III в.⁸, лишает версию об причастности Агиса к нападению на Пеллену всякой правдоподобности.

Наконец, достаточно странной выглядит и политическая подоплека военных действий Агиса против аркадян, сикионян и ахейцев. В середине III в. такого рода столкновения между греческими государствами уже не могли не иметь прямого или косвенного отношения к политике великих держав эллинистического мира. Например, Ахейский союз в это время пользовался поддержкой царства Птолемеев и находился во враждебных отношениях с Антигоном Гонатом, Мегалополь традиционно ориентировался на Македонию, Спарта неизменно выступала против расширения сферы македонского контроля в Пелопоннесе, а Мантинея и другие полисы Восточной Аркадии держали сторону Спарты⁹. Поэтому рассказ Павсания рисует нам совершенно необычную ситуацию: Спарта, атакуя ахейцев, фактически помогает своему исконному врагу – Македонии, мантинеяне воюют против лакедемонян, мегалополиты защищают Мантинею. Чем были вызваны та-

⁸ Одним из этих первоисточников были мемуары Арата (*Plut. Arat.* 32. 5), а другим, по-видимому, Филарх: именно этот автор любил приукрашивать историю малодостоверными драматическими эпизодами, нередко с участием женщин. В рассказе Плутарха приводится как раз такой эпизод, суть которого сводится к тому, что этолийцы увидели местную женщину в военном шлеме, приняли ее за богиню и, придя в ужас, прекратили сопротивление. Кстати, Павсаний также был большим любителем подобных историй, и отсутствие в его повествовании о нападении на Пеллену рассказа о женщине, принятой за богиню, является одним из возможных доказательств того, что перизетг не использовал «Историю» Филарха при подготовке своего сочинения.

⁹ Ахейский союз, Спарта и города Восточной Аркадии, включая Мантинею, выступали в качестве союзников Египта и противников Македонии в годы Хремонидовой войны, происходившей в 260-е годы (см., в частности, надпись Syll.³ 434/435 и литературу об этой войне: Heinen 1972, 95–213; Will 1979, 219–233; Hammond, Walbank 1988, 276–289). Возможно, к этому же времени относится столкновение между Спартой и Мегалополем, закончившееся военной победой мегалопольского тирана Аристодема над спартанским царем Акротатом (*Plut. Agis.* 3. 7; *Paus.* VIII. 27. 11; 30. 7; 35. 5; 36. 5). Не менее враждебными были отношения между Ахейским союзом и Македонией и в следующие два десятилетия, особенно в 240-е годы: ахейцы заключили союз с Александром, наместником Коринфа, взбунтовавшимся против Антигона Гоната (*Plut. Arat.* 18. 2), укрепили отношения с Птолемеем II и даже провозгласили его «гегемоном» своей федерации (*Plut. Arat.* 24. 4), а затем стараниями Арата, который с 245 г. стал направлять ахейскую политику, освободили в 243 г. Коринф от македонского гарнизона и включили его в состав Ахейского союза (*Polyb.* II. 43. 4; 50. 9; 52. 4; IV. 8. 4; *Plut. Arat.* 18. 3–24. 1). Что касается Спарты, то о ее внешнеполитической позиции после окончания Хремонидовой войны и до царствования Агиса IV практически ничего не известно, но предполагать, что лакедемоняне именно в это время изменили свое традиционно негативное отношение к Македонии, нет никаких оснований. Мантинеяне, со своей стороны, сохраняли дружественное отношение к Спарте, по крайней мере, судя по их поведению в более поздний период: когда разразилась Клеоменова война между Ахейским союзом и Спартой (229–222 гг.), симпатии к Лакедемону в этом городе проявились совершенно отчетливо (см. об этом подробнее: Сизов 1989, 113–114).

кие отступления от традиционной внешней политики сразу нескольких государств Пелопоннеса, Павсаний, разумеется, не объясняет.

Все перечисленные соображения уже давно приводили исследователей к тому выводу, что упоминания о походах Агиса IV в сочинении Павсания являются, полностью или частично, результатом путаницы, неаккуратности перизгета в обращении с письменными источниками или его излишнего доверия к сомнительной устной традиции. Рассказ о нападении Агиса на Пеллену практически единодушно признан недоразумением: Павсаний по каким-то причинам приписал спартанскому царю то, что на самом деле совершили этолийцы¹⁰. Не столь однозначно мнение исследователей о других эпизодах – описании осады Мегалополя и особенно битвы при Мантинее. До конца XIX в. в литературе преобладало мнение, согласно которому описание хода сражения при Мантинее выглядит настолько подробным и содержит имена стольких реальных исторических персонажей, что заслуживает полного доверия, если не считать, конечно, ошибочного упоминания о гибели Агиса¹¹. Трофей, который видел Павсаний (VIII. 10. 4), признавался серьезным подтверждением историчности битвы при Мантинее. Само сражение, как полагали, произошло либо в начале царствования Агиса IV¹², либо весной 241 г., незадолго до того, как Агис и Арат выступили уже в качестве союзников¹³.

Позднее получил широкое распространение иной взгляд на проблему историчности рассказа Павсания. В целом ряде работ это повествование было объявлено либо легендой, сложившейся «из разнородных элементов» традиции¹⁴, либо просто «сказками»¹⁵, либо записью устных преданий, исказивших до неузнаваемости какие-то реальные события иного времени. Подробный анализ пассажей Павсания произвел Г. Фужер, по мнению которого рассказ о нападении Агиса на Мегалополь и его гибели в битве при Мантинее отражает два события более ранних периодов с участием спартанских царей, носивших то же имя, – одержанную в 418 г. близ Мантиней победу Агиса II над коалицией, возглавляемой аргивянами, и гибель Агиса III в сражении у Мегалополя против Антипатра в 331 или 330 г. Ученый считал, что трофей, который упоминает Павсаний, был воздвигнут в память о битве 418 года, а вся история о походах Агиса IV – легенда, возникшая в Спарте, где идеализировали образы царей-реформаторов Агиса и Клеомена¹⁶.

Среди исследователей лишь немногие поддерживали гипотезу о том, что в основу рассказа Павсания легли предания о битве 418 г.¹⁷ Более благоприятный отклик встретила версия, согласно которой Павсаний приписал Агису IV героические

¹⁰ Васильевский 1869, 59; Klatt 1883, 13; Freeman 1893, 305; Hitzig, Blümner. 1896–1910, vol. 1, 403; Fougères 1898, 483; Niese 1899, 303–304; Urban 1979, 39–40; Marasco 1980, 157–158; Piper 1986, 199, n. 46; Orsi 1987, 218; Lafond 1991, 31; Bearzot 1992, 151–153. Пожалуй, единственный случай доверия к этому рассказу Павсания в литературе последних полутора столетий: Chrimes 1949, 3.

¹¹ Впрочем, уже тогда высказывались сомнения в правдивости упомянутых пассажей Павсания: Freeman 1893, 305, n. 1.

¹² Дройзен 1893, 208.

¹³ Васильевский 1869, 57–60, 164–165.

¹⁴ Niese 1899, 304.

¹⁵ Africa 1961, 27.

¹⁶ Fougères 1898, 483–485.

¹⁷ Pritchett 1969, 61–62; Habicht 1985, 101–102; Piper 1986, 27.

деяния Агиса III¹⁸. Она была принята некоторыми учеными, также отрицавшими историчность похода на Мегалополи и битвы при Мантинее¹⁹.

Схожую, но несколько иную гипотезу высказал В. Тарн. По его мнению, «прообразом» сражения при Мантинее послужила битва при Мегалополе между спартанцами во главе с царем Акротатом и мегалополитами во главе с тираном Аристодемом, которая произошла в 60-х или 50-х годах III в. и закончилась поражением лакедемонян и гибелью Акротата²⁰.

Таким образом, в научной литературе вместо доверия к рассказу Павсания о походах Агиса стало преобладать скептическое к нему отношение. Тем не менее, изобилие деталей и имен в рассказе перизгета о мантинейском сражении, его внешнее правдоподобие и упоминание о трофее по-прежнему служили поводом для поисков какого-то объяснения, которое позволило бы признать достоверность рассказа в целом и свести количество ошибок Павсания и какому-то приемлемому минимуму. Руководствуясь этими соображениями, свою версию выдвинул К. Белох, посвятивший проблеме историчности битвы при Мантинее отдельный очерк в своей «Греческой истории»²¹. По мнению Белоха, целый ряд подробностей в повествовании Павсания указывает на то, что сражение действительно происходило так, как у него описано, но несколько ранее царствования Агиса IV.

Во-первых, объединение в одной коалиции Ахейского союза, где традиционным было враждебное отношение к тиранам, и Мегалополя, считает Белох, стало возможным вскоре после 251 г., когда Мегалополь уже был освобожден от тирании Аристодема, но еще не оказался во власти следующего тирана – Лидиада (который при Мантинее командовал мегалопольским контингентом не единолично, а наравне с другим военачальником, – Paus. VIII. 8. 6). Во-вторых, рядом с ахейцами в сражении стояли мантинеяне, которые, как полагает Белох, именно в те годы должны были вступить в Ахейский союз. Действительно, Полибий (II. 46. 2; 57. 1) сообщает, что за некоторое время до начала Клеоменовой войны (229–222 гг.) Мантинея вошла в федерацию ахейцев, а затем покинула ее, связав себя союзным договором и узами исополитии с Этолией. Переход мантинеян (а также Орхомена и Тегей) под покровительство Этолийского союза Белох относит ко второй половине 40-х годов III в., когда этолийцы начали активные вторжения в Пелопоннес. Отсюда примерная дата сражения при Мантинее – 249 или 248 год.

Просопографические выкладки Белоха также, казалось ему, подкрепляют эту датировку: Арат в рассматриваемое время еще не был избран ахейским стратегом и поэтому при Мантинее командовал лишь частью войска; элейский прорицатель Фрасибул, который в свое время (возможно, в 272 г.) воздвиг в Олимпии статую Пирра (Paus. VI. 14. 9), вполне мог быть жив в начале 240-х годов и даже участвовать в сражении (Paus. VI. 2. 4; VIII. 10. 5); командир мантинеян Подар был внуком местного героя Подара, который в 362 г. сражался здесь же против Эпаминонда (Paus. VIII. 10. 5), а промежуток в 113–114 лет между взрослыми годами деда и

¹⁸ Заметим, что о возможности такой путаницы еще до Г. Фужера писали как те ученые, которые верили в историчность описанной Павсанием битвы при Мантинее, но нуждались в объяснении ошибочного утверждения о гибели Агиса IV в этом сражении (см., например: Дройзен 1893, 208), так и те, которые считали все повествование перизгета недостоверным (Freeman 1893, 305, n. 1).

¹⁹ Hitzig, Blümner 1896–1910, vol. 3, 146, 210; Hiller von Gaertringen 1931, 135–136.

²⁰ Tarn 1925, 106.

²¹ Beloch 1927, 523–527.

внука Белох считает нормальным²². Единственное затруднение, которое вызывала у ученого такая датировка битвы при Мантинее, заключается в том, что Агис IV в начале 240-х годов никак не мог командовать лакедемонянами, поскольку еще не вышел из детского возраста. Поэтому Белоху пришлось признать, что Павсаний допустил ошибку и назвал царем и сыном Эвдамида другого спартанского военачальника по имени Агис, возможно, опекуна малолетнего царя. Этот Агис командовал спартанцами при Мантинее, он же ранее предпринял и осаду Мегалополя. Его имя и фигурировало в надписи на трофее, которую видел Павсаний.

Гипотеза К. Белоха выглядела достаточно убедительной и была принята во многих, в том числе достаточно авторитетных, работах, причем некоторые исследователи приняли дату Белоха, а другие предпочли отодвинуть датировку сражения на несколько лет ранее (251 или 250 г.)²³. В русле этой же тенденции своеобразное предположение высказал В.Д. Жигунин²⁴. С его точки зрения, походы спартанцев в Аркадию, о которых пишет Павсаний, начались не на рубеже 250–240-х годов, а гораздо позже, после присоединения Мегалополя к Ахейскому союзу, т.е. вскоре после 235 г. Лакедемоняне восприняли это событие враждебно и направили в Аркадию свое войско, которым командовал некий военачальник из дома Эврипонтидов, возможно царь Эвдамид III; он-то и фигурирует у Павсания под именем «Агис».

Достаточно долгое время гипотеза, согласно которой битва при Мантинее имела место в действительности, но произошла несколько раньше или позже, чем указывает Павсаний, в научной литературе явно преобладала. Однако дискуссия на этом не закончилась. В монографии по истории Ахейского союза Р. Урбан подверг версию К. Белоха детальной и аргументированной критике²⁵. Собственное предположение Урбана сводится к тому, что Павсаний ошибочно приписывает Агису IV деяния другого спартанского царя – Клеомена III, который в 220-х годах действительно воевал с Ахейским союзом, напал на Мегалополь и Пеллену, занимал Мантинею²⁶.

Аргументация Р. Урбана заставила некоторых, хотя и не всех исследователей усомниться в правомочности гипотезы Белоха, которая до этого считалась едва ли не общепринятой. Так, изменил свою позицию Ф. Уолбэнк, ранее принимавший версию Белоха²⁷. С точки зрения М. Претцлер, аргументы Р. Урбана фактически завершили дискуссию об историчности битвы при Мантинее²⁸. Что же касается предположения Р. Урбана о том, что под именем «Агис» в сочинении Павсания упоминается Клеомен III, то эта гипотеза встретила не столь благоприятный отклик, как критика версии Белоха в работе этого исследователя²⁹.

Таким образом, примерно с конца XIX в. в научной литературе утвердилась та точка зрения, что рассказ Павсания о походах Агиса в основе своей недостоверен и

²² Кажется, никто из критиков версии Белоха впоследствии не заметил эту несуразность.

²³ Walbank 1933, 36, 176–177; Porter 1937, XXXIV–XXXV; Meyer 1939, 899; Larsen 1968, 309; De Sanctis 1970, 470–471; Will 1979, 320; Orsi 1987, 217; Cartledge, Spawforth 1989, 40.

²⁴ Жигунин 1980, 141–142.

²⁵ Urban 1979, 39–44.

²⁶ Urban 1979, 44.

²⁷ Walbank 1984, 247 (ср. Walbank 1933, 36).

²⁸ Pretzler 2005b, 22.

²⁹ См., в частности, возражения против гипотезы Урбана: Marasco 1980, 160, n. 40.

представляет собой запись искаженного предания о каких-то иных событиях, хотя каждая из предлагаемых исследователями версий относительно подлинного прототипа Павсаниева «Агиса, сына Эвдамида» встретила довольно весомые возражения. На этом фоне достаточно неожиданным было появление работ Г. Мараско³⁰, который вновь высказал мнение, казалось бы, уже давно забытое: свидетельство Павсания о двух эпизодах войны Агиса против ахейцев и аркадян – нападении на Мегалополь и битве при Мантинее – представляет собой достаточно достоверное повествование о подлинных событиях, произошедших в 241 г., главным героем которых был ни кто иной, как Агис IV.

Подробно разобрав иные интерпретации рассказа Павсания и подчеркнув слабые стороны каждой версии, Мараско пришел к выводу о том, что сведения перизгета в целом, за исключением очевидных ошибок (гибель Агиса при Мантинее, участие Мегалополя в Ахейском союзе в 241 г.), заслуживают доверия. Логика исследователя такова: Павсаний приводит столько разнообразных подробностей войны (или, по крайней мере, битвы при Мантинее), что рассказ его просто не мог быть плодом чистого вымысла. Трофей, который видел перизгет, представлял собой «эпиграфическое свидетельство»³¹, так что в основе всего повествования лежат надежные документальные данные. Молчание параллельного источника – Плутарха – вовсе не является доказательством ошибочности сведений Павсания. Скорее всего, Плутарх не обнаружил соответствующих фактов в первоисточниках.

В «Истории» Филарха неудачная военная кампания Агиса в Аркадии замалчивалась, поскольку поражения возрожденной спартанской армии могли быть истолкованы как следствие тщетности предпринятых царем реформ и даже как некоторое оправдание последующей казни Агиса. Филарх, который постоянно подчеркивал своевременность и благотворительность преобразований Агиса IV в Спарте, а его гибель объяснял предательскими кознями внутренних врагов, не хотел упоминаниями о поражениях своего героя бросать тень на его светлый образ. Другой использованный Плутархом источник – «Воспоминания» Арата – умалчивал о столкновениях ахейцев и аркадян с Агисом по иной причине: ахейскому стратегу было выгодно создать впечатление о мирных и нормальных отношениях возглавляемой им федерации со Спартой вплоть до воцарения его злейшего врага Клеомена III, на совести которого лежало развязывание жестокой войны, закончившейся восстановлением македонского господства в Пелопоннесе. Плутарх не имел никаких сведений о конфликте между Агисом и ахейцами и поэтому пришел к выводу, что в военном деле Агис проявить себя не успел. Вот почему рассказ об этом конфликте сохранился только в передаче Павсания.

Историческая подоплека событий 241 года по мнению Мараско, была следующей. После того как Агис IV выступил на Истм, чтобы вместе с ахейцами противостоять этолийскому вторжению в Пелопоннес, а затем вернулся домой, когда Арат принял решение отказаться от сражения с этолийцами, спартанцы решили воспользоваться замешательством, которое царило в Ахайе и Аркадии из-за угрозы нападения этолийцев и пассивной тактики Арата. Дождавшись прихода этолийцев в Пелопоннес, Агис подступил к стенам Мегалополя, враждебного лакедемонам, но потерпел неудачу. Тем временем этолийцы захватили Пеллену и были изгнаны из города Аратом. Поскольку они действовали фактически заодно с Агисом, в местном предании и это нападение впоследствии было приписано спартанско-

³⁰ Marasco 1980, 156–164; 1981, 112–113.

³¹ «Una testimonianza epigrafica»: Marasco 1980, 159.

му царю. Сражение при Мантинее произошло вскоре после этого, Агис потерпел поражение и вернулся в Спарту, потеряв множество воинов, в том числе своих верных сторонников. Вот почему никто открыто не выступил в его защиту, когда эфоры привлекли царя к суду и приговорили к смерти.

Отметим, что предположения Г. Мараско не произвели на исследователей столь же серьезного впечатления, как доводы Р. Урбана. Кажется, только Ч. Беарзот одобрительно, но в очень осторожной форме, высказалась о версии Мараско³². При всем своем стремлении подчеркнуть ценность «Описания Эллады» как источника по истории эллинистической эпохи³³, Ч. Беарзот все же оставляет открытым вопрос об историчности описанной Павсанием битвы при Мантинее, хотя аргументы своего соотечественника пересказывает с определенной симпатией к его точке зрения³⁴.

Таким образом, все предпринятые до сих пор попытки обнаружить реальную историческую подоплеку рассказа Павсания о битве при Мантинее и других военных предприятиях Агиса IV не привели к формированию некоей общепринятой точки зрения. Действительно, каждая из версий чрезвычайно уязвима для критики.

Предположение Г. Фужера о том, что исторической основой для рассказа Павсания могло послужить сражение при Мантинее 418 г., в котором участвовал Агис II, вызывает следующие возражения: во-первых, это сражение было слишком отдаленным по времени от периода царствования Агиса IV; во-вторых, спартанцы не проиграли его, а выиграли; в-третьих, трофей в честь победы Агиса II был сооружен лакедемонянами непосредственно на поле боя (Thuc. V. 74. 2), в то время как памятник, упоминаемый перизетом, стоял у пригородного храма Посейдона, т.е. представлял собой трофей иного рода – своеобразный мемориал в память о победе, который обычно воздвигался в святилище³⁵. В Мантинее не было повода для сооружения такого памятника по поводу битвы 418 г., поскольку сами мантинеяне находились в рядах проигравших и потеряли двести бойцов (Thuc. V. 74. 3).

Маловероятной представляется и версия о том, что в повествовании Павсания так или иначе отразились предания о гибели Агиса III, сына Архидама, под стенами Мегалополя осенью 331 или весной 330 г.³⁶ (Diod. XVII. 63; Curt. VI. 1. 12–16; Iust. XII. 1. 9–11). Если принять эту точку зрения, то остается непонятным, что за трофей видел перизет в окрестностях Мантинее, почему греки Пелопоннеса, выступавшие в роли союзников Агиса III (ахейцы, мантинеяне и другие аркадяне, кроме мегалополитов), у Павсания становятся его противниками, и, наконец, каково возможное происхождение всего этого рассказа³⁷.

³² Bearzot 1992, 157–158.

³³ См. выше, прим. 3.

³⁴ «Очень кстати было обращено внимание на ясность повествования, на тщательное описание подробностей, на то, что Павсаний упоминает трофей...» (Bearzot 1992, 158).

³⁵ О различных видах трофеев см. Pritchett 1975, 246–275.

³⁶ О датировке см. Маринович 1983, 271, прим. 67 и указанную там литературу.

³⁷ Объяснение, данное Г. Фужером и сводящееся к тому, что легенды о военных подвигах Агиса IV сложились в Спарте (Fouglères 1898, 485), представляется неудовлетворительным. Основная часть материала о походах Агиса помещена в аркадском, а не лаконском разделе «Описания Эллады». Напротив, в книге о Лаконии Павсаний касается генеалогии Эврипontiдов IV–III вв. и различает Агиса, сына Архидама, павшего в битве с македонянами, и Агиса, сына Эвдамида, о котором, как пишет перизет, рассказывается в иной части его сочинения (*Paus.* III. 10. 5).

Предположение У. Тарна (битва при Мантинее – искаженное предание о сражении между Акротатом и Аристодемом) вызывает те же вопросы, что и версия, согласно которой Павсаний перепутал двух Агисов, а кроме того, ошибка перизгета становится еще более вопиющей, ибо получается, что он в едином связном пассаже (VIII. 27. 11–14) дважды рассказывает об одном и том же событии, при этом называя спартанского царя то Акротатом, то Агисом.

Достаточно популярная в свое время версия К. Белоха, согласно которой битва при Мантинее произошла в 249 или 248 г., но спартанской армией командовал не Агис IV, а другой военачальник с таким же именем, главным образом основана на просопографических выкладках, однако именно они представляются достаточно уязвимыми для критики. Как уже говорилось, важное значение Белох придает словам Павсания (VIII. 10. 6) о роли Арата, который при Мантинее командовал лишь частью войска, стоявшей в центре, и, следовательно, еще не был верховным военачальником Ахейского союза. Этот аргумент легко опровергается с помощью другого высказывания перизгета (VIII. 8. 11), в котором Арат назван командующим (ἡγεμῶν) ахейской армией в той же битве. В начале 240-х годов этого быть не могло: в те годы Арат скромно служил в рядах ахейской кавалерии и послушно выполнял приказы вышестоящих командиров (Plut. Arat. 11. 1).

Далее, датировка Белоха основана на предположении, что союз ахейцев и мегалополитов стал возможным благодаря свержению тирании Аристодема в Мегалополе друзьями Арата Экделом и Демофаном вскоре после 251 г. (Polyb. II. 22. 2–3; Plut. Philop. 1. 4). Однако мегалопольским контингентом при Мантинее, согласно Павсанию (VIII. 10. 6), командовали не они, а Лидиад и Леокид. В конце 240-х годов Лидиаду предстояло установить в Мегалополе новую тиранию, причем тогда он был еще достаточно молодым человеком (Plut. Arat. 30. 2: ἔτι νέος). Возникает вопрос: в каком возрасте ему доверили командование войском, если битва произошла за 5–6 лет до переворота в Мегалополе³⁸? Да и сама фигура Лидиада в роли командира мегалополитов плохо согласуется с версией, согласно которой в Мегалополе в момент сражения при Мантинее еще существовало дружественное ахейцам демократическое правительство.

Кроме того, как уже отмечал Р. Урбан³⁹, предложенное Белохом изменение датировки сражения не помогает объяснить, каким образом для войны со Спартой сформировалась столь странная коалиция и какие причины вынудили, например, мантинееян изменить свою традиционную политику. Справедливым представляется и замечание Л. Пайпер, которая считает гипотезу Белоха неубедительной потому, что в начале 240-х годов, до начала реформ Агиса IV, Спарта была слишком слаба в экономическом и военном отношении, чтобы вести столь широкомасштабную кампанию в Аркадии и Ахайе, а правившие в это время престарелые цари (в том числе Эвдамид II, отец Агиса, который, вероятно, еще был жив) вряд ли проявляли агрессивные амбиции⁴⁰. Э. Маккуин, исследовавший генеалогию Эврипонтидов в эллинистический период, убедительно доказал несостоятельность предположения Белоха о том, что спартанцами при Мантинее командовал некий Агис – опекун

³⁸ Установление тирании Лидиада в Мегалополе обычно датируется временем активно-го вмешательства этолийцев, с которыми он был связан, в дела Пелопоннеса, т.е. самым концом 240-х годов (Niese 1899, 258–259; Beloch 1925, 619–620; Walbank 1933, 44; Berve 1967, 401; Will 1979, 332; Orsi 1987, 215).

³⁹ Urban 1979, 39–44.

⁴⁰ Piper 1986, 27.

и тезка царя⁴¹. С точки зрения Маккуина, отец Агиса IV Эвдамид, скорее всего, умер еще до совершеннолетия будущего царя, и опекуном юноши, по спартанской традиции, должен был стать дядя Агиса Агесилай. Других мужчин из рода Эврипontiдов по имени Агис в это время не было.

Гипотеза В.Д. Жигунина, согласно которой в основе рассказа Павсания лежат сведения о не известных по другим источникам спартано-аркадских столкновениях второй половины 230-х годов, соответствует словам перизгета о том, что Мегалополь в момент конфликта уже входил в Ахейский союз, но все остальные затруднения не разрешает. Предполагаемый В.Д. Жигуниным всплеск военной активности лакедемонян после гибели Агиса IV и до начала Клеоменовой войны крайне маловероятен. Напротив, по словам Плутарха (Cleom. 3. 8), во второй половине 230-х годов Арат неоднократно испытывал терпение спартанцев, нападая на дружественные им города Аркадии, но дождался ответа лишь в 229 г., когда молодой царь Клеомен III по приказу эфоров вторгся на территорию Мегалополя (Plut. Cleom. 4. 1; cf. Polyb. II. 46. 5).

Вряд ли можно согласиться и с предположением Р. Урбана о том, что под именем Агиса IV в рассказе перизгета фигурирует Клеомен III. В этом случае возникает то же самое затруднение, которое было вызвано и предположением У. Тарна о том, что Павсаний перепутал Агиса с Акротатом. В подробном рассказе перизгета о конфликтах Спарты с Мегалополем последовательно описаны: и битва Акротата с Аристодемом, и неудачная осада города Агисом, и затем – «немногим позже» – взятие Мегалополя Клеоменом (VIII. 27. 15) – как три совершенно различных эпизода. Кроме того, в годы Клеоменовой войны никакого сражения при Мантинее не было, а сам этот город перешел на сторону спартанцев без сопротивления (Polyb. II. 46. 2; 57. 1–2). Поэтому трофей, который видел Павсаний в Мантинее, никакого отношения к Клеомену III иметь не мог.

В более детальном рассмотрении нуждается версия, высказанная Г. Мараско, поскольку в литературе, насколько нам известно, аргументы итальянского исследователя еще не подвергались подробному критическому разбору. Напомним, что с точки зрения Мараско Павсаний в целом верно отобразил ход событий, происходивших в последний год царствования Агиса IV, допустив лишь некоторые неточности. Это толкование рассказа о походах Агиса во многом основано на аргументах, высказывавшихся еще в позапрошлом столетии: детализированное описание битвы при Мантинее просто не может быть выдумкой, подтверждением историчности сражения был увиденный Павсанием трофей и т.д.⁴² Новым является объяснение того, почему об этих событиях умалчивает Плутарх, а также предположение о кардинальном изменении политики Спарты в конце лета 241 г., когда лакедемоняне, только что собиравшиеся в союзе с ахейцами защищать Пелопоннес от этолийского вторжения, вдруг решили действовать заодно с этолийцами. Очевидны слабые места такой версии.

С одной стороны, неубедительным выглядит объяснение того, почему и Филарх, и Арат, не сговариваясь, обошли молчанием столь значительное событие. Филарх, при всех своих недостатках, все-таки был не биографом Агиса и Клеомена, а историком, описывавшим ход событий в хронологической последовательности, и едва ли позволял себе в угоду своим пристрастиям игнорировать такие важные эпизоды истории, как война между несколькими государствами Пелопоннеса. Еще более

⁴¹ McQueen 1990, 175–176.

⁴² Ср. Васильевский 1869, 57–58.

странным выглядел бы подобный пробел в воспоминаниях Арата, который имел репутацию никудышного полководца, заполнившего весь Пелопоннес трофеями в память о своих поражениях (Polyb. IV. 8. 6). Поистине было бы уникальным случаем в истории мемуаристики, если бы единственную свою победу над грозным противником в открытом, «правильном» сражении, причем победу блистательную, Арат не стал бы упоминать в своем сочинении из-за каких-то сомнительных политических соображений. Добавим, что оба автора писали свои произведения в то время, когда еще живы были многие люди, прекрасно помнившие, что происходило в Пелопоннесе в конце 240-х годов.

С другой стороны, не очень правдоподобным кажется предположение о внезапном переходе Спарты из лагеря противников Этолийского союза в число фактических союзников этого государства, среди которых была Македония, именно в это время вступившая в альянс с этолийцами (Polyb. II. 43. 10; 45. 1; IX. 34. 6; 38. 9). Помимо того, что отказ лакедемонян от принципиальной антимакедонской политики, как уже говорилось, был бы маловероятен сам по себе, очень сомнительным представляется и предполагаемое этоло-спартанское сближение. Известно, что примерно в это же время этолийцы вторглись в Лаконию и произвели там страшные опустошения, уведя десятки тысяч человек в рабство (Polyb. IV. 34. 9; IX. 34. 9; Plut. Cleom. 18. 3). В литературе утвердилось мнение о том, что это вторжение произошло в 240 г., на следующий год после гибели Агиса IV⁴³. Основанием для такой датировки служит свидетельство Полибия (IV. 34. 9), по словам которого этолийцы напали на Лаконию под ложным предлогом возвращения на родину спартанских изгнанников. Судя по тому, что после смерти Агиса его брат нашел убежище в Мессении (Polyb. V. 37. 2; Plut. Cleom. 1. 1; 5. 2) – а с ней этолийцы поддерживали тесный союз, – те изгнанники, которых они якобы хотели вернуть, были сторонниками Агиса. Г. Мараско также разделяет эту точку зрения и использует ее для подтверждения своей гипотезы: если этолийцы выступили в защиту соратников Агиса, значит, еще до его смерти они успели завязать с молодым царем-реформатором дружеские отношения⁴⁴.

Заметим по этому поводу: во-первых, набег этолийцев на Лаконию, как и подобные же нападения их на другие греческие области, имел целью исключительно грабеж и захват добычи, а не содействие какой-то политической партии. «Возврат изгнанников» служил лишь предлогом, который пригодился бы этолийцам в любом случае, независимо от того, был ли покойный царь лакедемонян их другом или врагом. Показательно, что вторжение этолийцев несколько не изменило политическую обстановку в Спарте, и брат Агиса Архидам продолжал жить изгнанником в Мессении еще много лет. Во-вторых, не исключена вероятность того, что этолийцы опустошили Лаконию еще в 241 г., в последние месяцы жизни Агиса, а изгнанники, которых они вели с собой, были не сторонниками, а противниками его политики⁴⁵. В-третьих, если поверить, что предполагаемое в работе Г. Мараско сотрудничество Агиса с этолийцами имело место на самом деле, то оно принесло на редкость жалкие результаты: этолийское войско подверглось избиению в Пеллене, а спартанская армия потерпела неудачу под Мегалополем и была разгромлена при

⁴³ Niese 1899, 262; Beloch 1925, 628–629; Flacelière 1937, 242–243; Walbank 1957, 237; Shimron 1972, 28; Will 1979, 335–336; Piper 1986, 40; Grainger 1999, 161; Scholten 2000, 127–130 (ср. Eckstein 2006, 91 – с датировкой вторжения 236 годом, взятой из старой работы Ф. Уолбэнка).

⁴⁴ Marasco 1980, 166–168.

⁴⁵ Такое мнение высказывает и подкрепляет рядом аргументов Р. Урбан (1979, 58–59).

Мантинее. Имея против себя двух столь грозных противников, ахейцы и аркадяне под предводительством Арата справились с ними с удивительной легкостью. Если вспомнить, что несколько позже, в годы Клеоменовой войны, значительно выросший и усилившийся Ахейский союз во главе с тем же Аратом не смог противостоять одной лишь Спарте (этолийцы хранили нейтралитет) и потерпел целый ряд жестоких поражений, то гипотеза о победе ахейцев над этоло-спартанской коалицией в 241 г. начинает выглядеть совершенно неправдоподобной.

Приведенный здесь обзор различных толкований загадочного рассказа Павсания о войне Агиса с ахейцами и аркадянами приводит к следующим выводам. Во-первых, один из трех эпизодов этой войны – нападение Агиса на Пеллену – единодушно признан плодом элементарной путаницы. Во-вторых, оба остальных эпизода (осада Мегалополя и битва при Мантинее) подавляющее большинство исследователей считает не имеющими отношения к реальной биографии Агиса IV. В-третьих, к самому повествованию Павсания об этих двух событиях и подробностях этого рассказа одни историки относятся с определенным доверием, допуская при этом, что перизгет перепутал Агиса IV с другим военачальником по имени Агис (версия К. Белоха); другие же полагают, что сведения Павсания о походах Агиса в Аркадию в основном недостоверны и представляют собой отголосок событий совершенно иного времени и с иным кругом участников. Однако до сих пор ни одно из предположений относительно реальной исторической подоплеки рассказа о деяниях Агиса не оказалось достаточно убедительным. Как заметил К. Хабиخت, в настоящее время «эта проблема выглядит неразрешимой»⁴⁶.

В таком случае единственным выходом из затруднения остается признание всей рассказанной Павсанием истории походов Агиса вымышленной с начала до конца. Поэтому есть все основания считать, что рассказ о войне Агиса с ахейцами и аркадянами восходит не к нарративному источнику, а к устной традиции. Действительно, поводом для исторического отступления в том пассаже, где подробно говорится о битве при Мантинее (VIII. 10. 5–10), явилось описание храма Посейдона в окрестностях этого города. Напротив храма стоял посвященный Посейдону трофей, который был поставлен, по словам информаторов Павсания, в память о победе над «Агисом и лакедемонянами», одержанной с помощью морского бога⁴⁷.

Пересказ этой местной легенды, равно как и безличное «говорят» (λέγουσι δὲ) в начале экскурсии, и упоминание родословной командира, который начальствовал над мантинейским контингентом в этом сражении⁴⁸, представляются неопровержимыми свидетельствами того, что Павсаний повествует о сражении со слов мантинеев. По-видимому, эту местную легенду он услышал от своих гидов («эксегетов») при осмотре святилища Посейдона и, как с ним часто бывало, принял ее за подлинные исторические сведения. Такая доверчивость перизгета не должна вызывать у нас

⁴⁶ Habicht 1985, 102.

⁴⁷ Как справедливо заметил М. Претцлер (2005b, 23), если поводом для исторического рассказа у Павсания служит осмотр конкретного памятника, то обычно в основе этого повествования, хотя бы частично, лежит устная традиция.

⁴⁸ Заметим, кстати, что имя и родословная Подара, якобы командовавшего ополчением мантинеев, также вызывают определенные сомнения. Как уже говорилось, у Павсания (VIII. 10. 5) он именуется внуком героя, погибшего за сотню с лишним лет (а если отнести битву против Агиса к 241 г., то и за целых 120 лет) до сражения при Мантинее. Получается, что в момент рождения Подара-внука его отцу было не менее 60 лет, да и сам он возглавлял мантинейское войско уже в довольно преклонном возрасте.

удивление⁴⁹. Скорее нуждается в объяснении то обстоятельство, что собеседники Павсания в Мантинее ничего не знали о настоящем происхождении памятника, стоявшего у храма Посейдона⁵⁰, и преподнесли ему, как и другим заезжим путешественникам, фантастическую историю о битве, которой на самом деле не было. На наш взгляд, такое объяснение есть, и оно буквально лежит на поверхности.

Дело в том, что мантинееяне, с которыми беседовал Павсаний, не были потомками тех граждан Мантиinei, которые жили там во времена Агиса IV. Они вели свое происхождение от колонистов, заселивших этот город после того, как коренное население было поголовно обращено в рабство в качестве наказания за измену Ахейскому союзу и переход на сторону Спарты в годы Клеоменовой войны (229–222 гг.). По инициативе Арата полис был отдан новым поселенцам, выходцам из ахейских полисов, и даже имя города было уничтожено и заменено названием «Антигония» (в честь македонского царя Антигона Досона, который, собственно, и выступил в качестве палача Мантиinei)⁵¹. Единственное упоминание в перизеге Павсания об этом страшном событии, вызвавшем в свое время бурю возмущения во всей Элладе, совершенно искажает суть дела: мантинееяне якобы оставались верными Ахейскому союзу и во времена войны с Агисом, и в годы Клеоменовой войны, вместе с ахейцами они «разрушили могущество лакедемонян», а новое название «Антигония» придумали своему городу сами, чтобы оказать почет царю, который многое сделал для Ахейского союза (VIII. 8. 11).

Это утверждение, кстати, является еще одним бесспорным доказательством того, что сведения Павсания по истории Мантиinei, включая рассказ о битве с Агисом, восходят исключительно к местной устной традиции. Ни один исторический труд, которым мог пользоваться перизегет, не мог столь явно искажать истину и игнорировать то общеизвестное обстоятельство, что коренные мантинееяне, которые в течение многих десятилетий до уничтожения их гражданской общины неизменно выступали на стороне Спарты, не смогли оставаться в Ахейском союзе, куда они были вовлечены насильно, и участвовать в войне против лакедемонян; при первой же возможности они перешли на сторону старого и традиционного союзника, за что и пострадали столь жестоким образом.

Версия, приводимая Павсанием, в корне противоречит всей литературной исторической традиции (включая произведения ахейских авторов), зато вполне может соответствовать легенде, созданной потомками ахейских колонистов, которые, конечно, желали вести свою родословную от древних мантинееян, но при

⁴⁹ О том, насколько широко в «Описании Эллады» были использованы рассказы эксегетов, см., помимо литературы, указанной выше, в прим. 2, также следующие работы: Jones 2001, 33–39; Pretzler 2005a, 235–249.

⁵⁰ Открытым следует оставить вопрос о том, что за памятник показывали Павсанию близ храма Посейдона. Едва ли можно разделить уверенность Г. Мараско в том, что перизегет приводит здесь «эпиграфическое свидетельство» (1980, 159). Павсаний, собственно, и не утверждает, что видел надпись на трофее; он только пишет, что каменный трофей был поставлен по случаю победы над Агисом (VIII. 10. 5). Не исключено, что перизегет видел более позднее сооружение, которым был заменен оригинал памятника (Pretzler 2005b, 25). Была ли на нем какая-то надпись, сохранилась ли она до времен Павсания, и вообще, являлся ли данный монумент трофеем, мы не знаем. Как будет показано ниже, мантинейские эксегеты не отличались доскональным знанием истории своего города, так что вполне могли, намеренно или нет, ввести гостя в заблуждение относительно истинного происхождения памятника.

⁵¹ *Polyb.* II. 56–58; *Plut. Arat.* 45. 6–9.

этом стремились предать забвению неприятные факты прошлого. Приукрашенная версия мантинейской истории III века, очевидно, состояла в следующем: сразу же после вступления города в Ахейский союз мантинеяне стали ревностными приверженцами ахейской политики и не только не покидали федерации (что на самом деле сделали дважды, причем во второй раз вырезали ахейский гарнизон⁵²), но и непрерывно воевали вместе с ахейцами против Спарты (которую на самом деле поддерживали при любой возможности). Предание о глубокой ненависти к лакедемонянам, которую якобы испытывали мантинеяне со времени вступления в Ахейский союз и даже раньше, показалось Павсанию настолько убедительным, что даже тот факт, что накануне битвы при Акции Мантинея оказала поддержку Октавиану, он объясняет враждебным отношением мантинеян к Спарте, которая встала на сторону Антония (VIII. 8. 12). В этом контексте вполне уместным выглядел и рассказ о некоем агрессивном «царе Агисе, сыне Эвдамида», которого мантинеяне якобы разгромили, сражаясь в одних рядах с ахейцами⁵³. Вымышленные подробности этой битвы отчасти были навеяны преданиями о сражениях ахейцев под предводительством Арата и Лидиада, отчасти воспроизводили известную стратегию Ганнибала при Каннах. Плохо знавшие подлинную историю Мантинеи потомки ахейских колонистов преподнесли Павсанию свою версию событий в Пелопоннесе 40–20-х годов III в., версию довольно связную, содержащую детали и упоминания о людях, которые действительно жили в то время, но имеющую очень отдаленное отношение к исторической действительности⁵⁴.

Отголоски устной традиции очевидны и в пассажах, посвященных штурму Мегалополя. В этом городе Павсаний услышал историю о том, как божественный ветер Борей спас Мегалополь «от Агиса и лакедемонян» и в благодарность за это местные жители отвели Борею священный участок и каждый год приносят ему жертвы (Paus. VIII. 36. 5–6). Павсаний, побывавший ранее в Мантинее, не преминул связать эту историю с преданием о войне ахейцев и аркадян против Агиса IV. Однако собеседники перизгета в Мегалополе, очевидно, имели в виду другого Агиса – третьего царя с таким именем, современника Александра Великого⁵⁵. Как уже говорилось, именно там, у стен Мегалополя, в 331 или 330 г.

⁵² *Polyb.* II. 57. 1; 58. 4; *Plut.* Cleom. 14. 1.

⁵³ Почему героем этого сказания выступил именно Агис IV, не прославившийся никакими военными деяниями, судить трудно. Возможно, «Агис, сын Эвдамида» – это некий собирательный образ. Не исключено также, что в памяти кого-то из ахейских колонистов в Мантинее сохранились рассказы очевидцев о грозной армии Агиса IV, которая на пути к Истму производила весьма внушительное впечатление на жителей тех полисов Ахейского союза, через которые она проходила. По версии Филарха, именно поэтому Арат, напуганный возрождением спартанской мощи, которое выглядело очевидным результатом социальной реформы Агиса, решил прекратить сотрудничество с опасным союзником (*Plut.* Agis. 14. 4–5).

⁵⁴ Версия, связывающая происхождение загадочного рассказа Павсания о битве при Мантинее с возникновением «новой» истории города в преданиях потомков ахейских колонистов, была впервые высказана нами в докладе на одной из научных конференций в 1997 г. (Сизов 1998). Позднее к тому же выводу пришла и исследовательница из Уэльса М. Претцлер (2005b).

⁵⁵ То, что в аркадском логосе Павсаний мог перепутать двух спартанских царей, носивших одно имя, вполне возможно. Точно так же в очерке мегалопольской истории он путает уже упоминавшегося Акротата, сына Аррея, с другим Акротатом, сыном Клеомена, который царствовал в предыдущем столетии (VIII. 27. 11). При этом в книге о Лаконии он приводит правильную генеалогию Агиадов, и там Акротат назван сыном Аррея (III. 6. 6).

состоялось сражение, в котором Агис III был разбит Антипатром и погиб, причем незадолго до битвы Мегалополь, державший сторону македонян, действительно был осажден войском Агиса (Curt. VI. 1. 20). Разумеется, спас мегалополитов не ветер Борей, а македонский «стратег Европы» Антипатр, и само избавление города от осады на самом деле должно было происходить не совсем так, как описывали это мегалопольские эксегеты. Тем не менее рассказ мегалополитов в основе своей был достоверен, а Павсаний с удовлетворением отметил, что мантинейские предания о походах царя Агиса в Аркадию подтверждаются и жителями Мегалополя.

Сведения о нападении Агиса на ахейскую Пеллену перизгет, возможно, почерпнул в рассказах тех же мантинейцев. Не исключено, что и в Ахайе он мог услышать рассказ о том, как Арат с ахейцами выгнал из Пеллены неких врагов, каковых Павсаний охотно отождествил со спартамцами Агиса. Менее вероятно, что об этом эпизоде ахейской истории он узнал из «Воспоминаний» Арата, где, разумеется, в качестве врагов упоминались этолийцы, а не «Агис». Нет убедительных доказательств тому, что Павсаний вообще читал это произведение⁵⁶. Если же допустить, что Перизгет действительно знакомился с содержанием мемуаров ахейского стратега, то причиной путаницы могла стать привычка Павсания цитировать когда-то прочитанные им сочинения по памяти, что часто приводило к ошибкам⁵⁷.

Таким образом, по нашему мнению, рассказ Павсания о походах Агиса IV представляет собой в основном запись легенды, сложившейся в Мантинее (точнее, в Антигонии, как назывался этот город до того, как император Адриан вернул ему прежнее название). С одной стороны, внимание перизгета, который всегда со вниманием и доверием относился к рассказам о вмешательстве божеств в человеческие дела, привлекли упоминания о помощи, оказанной ахейцам и аркадянам Посейдоном и Бореем. С другой, – рассказ о победах ахейцев над спартанским царем позволял Павсанию дополнить список успехов и достижений Арата, одного из самых любимых исторических персонажей перизгета, несколькими новыми эпизодами, о которых умалчивала нарративная традиция⁵⁸. Поэтому он не просто изложил предания о боях ахейцев и аркадян с Агисом в соответствующих местах перизгезы, но и включил их в общую схему пелопоннесской истории III века, перемешав тем самым данные устной традиции с подлинными фактами, взятыми из исторических трудов.

⁵⁶ Ч. Беарзот, которая считает, что основную часть сведений по истории Ахейского союза Павсаний почерпнул в «Воспоминаниях» Арата, основывает данный вывод на том, что перизгет повествует о деяниях Арата и ахейцев с явной симпатией, всегда оправдывает ахейскую политику и явно идеализирует образ самого Арата (Bearzot 1992, 147–167). Не исключено, однако, что подобная тенденциозность была свойственна и другому, не известному нам «промежуточному» источнику, которым мог пользоваться Павсаний. Во всяком случае, прямых доказательств того, что автор «Описания Эллады» брал те или иные сведения непосредственно из мемуаров Арата, Ч. Беарзот привести не может.

⁵⁷ Об этой особенности творческой манеры Павсания см., в частности: Heer 1979, 85–88; Nabicht 1985, 98.

⁵⁸ В своих исторических экскурсах Павсаний, помимо прочего, ставил перед собой цель познакомить читателя с малоизвестными подробностями, которые нельзя было обнаружить в сочинениях авторитетных историков (Lafond 1991, 77; Ameling 1996, 132–134; Pretzler 2007, 80).

Литература

- Васильевский В.Г.* 1869: Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка. СПб.
- Дройзен И.Г.* 1893: История эллинизма / Пер. Э. Циммермана. Т. 3. М.
- Жигунин В.Д.* 1980: Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н.э. Казань.
- Маринович Л.П.* 1983: Спарта времени Агиса III // Античная Греция. Проблемы развития полиса / Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, А.И. Павловская, Э.Д. Фролов (ред.). Т. 2. М., 259–279.
- Сизов С.К.* 1989: Ахейский союз. М.
- Сизов С.К.* 1998: Война Агиса IV с Ахейским союзом // Проблемы истории и творческое наследие профессора Н.П. Соколова. Материалы межвузовской конференции / Е.А. Молев (ред.). Нижний Новгород, 48–52.
- Сизов С.К.* 2002: Семнадцать стратегий Арата: к вопросу о хронологии ахейских стратегов во второй половине III в. до н.э. // АКРА. Сб. науч. тр. / А.В. Махлаюк (ред.). Нижний Новгород, 132–141.
- Чистяков Г.П.* 1983: Павсаний как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Africa Th.* 1961: Phylarchus and the Spartan Revolution. Berkeley.
- Ameling W.* 1996: Pausanias und die hellenistische Geschichte // Pausanias historien: huit exposés suivis de discussions / J. Bingen (ed.). Genève, 117–160.
- Bearzot C.* 1992: Storia e storiografia ellenistica in Pausania il Periegeta. Venezia.
- Beloch K.* 1925–1927: Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd IV, Abt. 1–2. B.–Lpz.
- Berve H.* 1967: Die Tyrannis bei den Griechen. München.
- Cartledge P., Spawforth A.* 1989: Hellenistic and Roman Sparta: a Tale of Two Cities. L.
- Chrimes K.* 1949: Ancient Sparta. A Re-examination of the Evidence. Manchester.
- De Sanctis G.* 1970: Scritti minori. Vol. 1. Roma.
- Eckstein A.* 2006: Mediterranean Anarchy, Interstate War and the Rise of Rome. Berkeley.
- Flacelière R.* 1937: Les Aitolians à Delphes. P.
- Fougères G.* 1898: Mantinée et l'Arcadie Orientale. P.
- Frazer J.* 1913: Pausanias' Description of Greece / Translated with a Commentary by J. Frazer. 2nd ed. Vol. 1–6. L.
- Freeman E.* 1893: History of Federal Government in Greece and Italy. 2nd ed. L.
- Grainger J.* 1999: The League of the Aitolians. Leiden.
- Habicht Chr.* 1985: Pausanias' Guide to Ancient Greece. Berkeley.
- Hammond N., Walbank F.* 1988: A History of Macedonia. Vol. 3. Oxf.
- Heer J.* 1979: La personnalité de Pausanias. P.
- Heinen H.* 1972: Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jh. v. Chr. Wiesbaden.
- Hiller von Gaertringen F.* 1931: Megala polis // RE. XV. 1, 127–140.
- Hitzig H., Blümner H.* 1896–1910: Pausanias. Graeciae descriptio / H. Hitzig (hrsg.); mit erklärenden Anmerkungen versehen von H. Hitzig, H. Blümner. Vol. 1–3. B.–Lpz.
- Holleaux M.* 1938: Études d'épigraphie et d'histoire grecque. Vol. 1. P.
- Hutton W.* 2005: Describing Greece. Landscape and Literature in the Periegesis of Pausanias. Camb.
- Jones C.* 2001: Pausanias and his Guides // Pausanias. Travel and Memory in Roman Greece / S. Alcock, J. Cherry, J. Elsner (eds.). Oxf., 33–39.
- Klatt M.* 1883: Chronologische Beiträge zur Geschichte des achäischen Bundes. B.
- Lafond Y.* 1991: Pausanias historien dans le livre VII de la Périégèse // Achaia und Elis in der Antike / A.D. Rizakis (ed.). Athens, 75–80.
- Larsen J.* 1968: Greek Federal States. Oxf.
- Marasco G.* 1980: Polibio e rapporti etolo-spartani durante i regni di Agide IV e Cleomene III // Prometheus. 6, 153–180.
- Marasco G.* 1981–1983: Commento alle biografie plutarchee di Agide e di Cleomene. Vol. 1–2. Roma.
- McQueen E.* 1990: The Eurypontid House in Hellenistic Sparta // Historia. 39, 163–181.
- Meyer E.* 1939: Orchomenos (4) // RE. XVIII, 864–912.
- Meyer E.* 1967: Pausanias. Beschreibung Griechenlands / Übersetzung, Einleitung, Anmerkungen von E. Meyer. Zürich.
- Niese B.* 1899: Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. 2. Teil. Gotha.

- Orsi D. 1987: *Commento // Plutarco. Le Vite di Arato e di Artaserse* / M. Manfredini, D.P. Orsi (eds.). Milano.
- Piper L. 1986: *Spartan Twilight*. New Rochelle.
- Porter W. 1937: *Plutarch's Life of Aratus*. Cork.
- Pretzler M. 2005a: Pausanias and Oral Tradition // CQ. 55, 235–249.
- Pretzler M. 2005b: Pausanias at Mantinea: Invention and Manipulation of Local History // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 51, 21–34.
- Pretzler M. 2007: Pausanias. Travel Writing in Ancient Greece. L.
- Pritchett W. 1969: *Studies in Ancient Greek Topography*. Pt. 2. Berkeley.
- Pritchett W. 1975: *The Greek State at War*. Pt. 2. Berkeley.
- Regenbogen O. 1956: Pausanias // RE. Suppl bd VIII. 1008–1097.
- Scholten J. 2000: The Politics of Plunder: The Aetolians and their Koinon in the Early Hellenistic Era, 279–217 B.C. Berkeley.
- Segre M. 1927: Pausania come fonte storica // *Historia*. 1, 202–234.
- Shimron B. 1972: Late Sparta: The Spartan Revolution, 243–146. Buffalo.
- Tarn W. 1925: The Arcadian League and Aristodemus // CR. 39, 104–107.
- Urban R. 1979: Wachstum und Krise des Achäischen Bundes. Wiesbaden.
- Walbank F. 1933: *Aratos of Sicyon*. Cambr.
- Walbank F. 1957: *The Historical Commentary on Polybios*. Vol. 1. Oxf.
- Walbank F. 1984: Macedonia and Greece // CAH. 2nd ed. Vol. 7. Cambr., 221–256.
- Will E. 1979 : *Histoire politique du monde hellénistique*. 2ème ed. Vol. 1. Nancy.

PAUSANIAS' ENIGMATIC ACCOUNT OF A 3rd CENTURY BC WAR IN PELOPONNESOS: REVIEWING THE DISCUSSION

S.K. Sizov

The author reconsiders various interpretations of the enigmatic story told by Pausanias several times (II. 8. 5, VII. 7. 3; VIII. 10. 5–10; 27. 13–14; 36. 5–6). The main character of the story is the Spartan king Agis, son of Eudamidas (thus, Agis III), who undertakes an unsuccessful war against the Achaean League and the Arcadians, attacks Pellene, tries to assault Megalopolis and finally dies in the battle of Mantinea. Modern scholars try to find the historical basis of this account full of contradictions and anachronisms. In the author's opinion, the whole of the story of Agis' expeditions and defeats goes back to an unauthentic oral tradition, which originated in Mantinea among the descendants of Achaean colonists who inhabited the city after its population had been sold into slavery in the late 20s of the 3rd c. BC. New inhabitants of the city, poorly informed of its real history, created a legend about brilliant victories won by the Achaeans together with their allies Arcadians (including Mantineans) over Sparta under Agis III, though the historical reality was quite different.